

"Мой брат родился гением, - ответил Хамура. "А потом он стал тем, кто затмил даже свои легенды - не пустая лесть, когда его называют богом шиноби. Если бы я думал, что смогу одолеть его силой, если бы был готов пренебречь законами неба и земли, мне не пришлось бы ждать так долго. Я потратил все эти годы на изучение печатей ради этого момента - но я не могу сделать это в одиночку. Не совершая поступков, которые лишь заменят один грех другим. Сила, которая потребуется для этого, не под силу мне, даже если я полностью перейду на эту сторону и изгоню это дитя моего рода, чтобы освободить место для своей собственной души. Это потребует такой силы, к которой может прикоснуться только мудрец".

Сакура подняла глаза к черному небу, где Наруто горел, как золотая звезда.

"Не он", - тихо сказал Хамура, или настолько тихо, насколько это было возможно, но при этом его не было слышно, что означало, что это было сказано с какой-то силой. "Ты. Запечатывание - тонкое искусство. Это сильный ребенок, но он молод, импульсивен и, глядя на его дзюцу, не умеет обращать внимание на мельчайшие расхождения в технике. У него будет только один хороший шанс - после этого все будет упираться в кровь и жертвы. Если эта печать удастся, она уничтожит твою печать и все те печати, которые она поддерживает. Это убьет его. Ради всего мира, пожалуйста".

Он наблюдал за ней, словно ожидая, что она будет колебаться ради собственной силы, боясь за свою безопасность, а она, в свою очередь, наблюдала за ним. Для нее жертва печати была пустяком - вопрос заключался лишь в том, может ли она доверять этому брату, появившемуся из ниоткуда.

Тысяча лет - долгий срок, чтобы научиться лгать, особенно когда ты всего лишь дух, облеченный в тело.

Но выбор был невелик, а спрашивать было некогда.

Она включила беспроводную гарнитуру и отдала приказ Какаши-сенпаю и Итачи отсоединиться и приземлиться в безопасном месте - печать будет прервана. Она не назвала Сая по имени, но почувствовала изменение его присутствия в сети печати, которое восприняла как признание.

"Ты не должен был так на меня смотреть. Конохагакуре воспитывает шиноби, а не подхалимов при дворе какого-то даймё. Если солдат может спасти хоть малую часть мира, умерев, неужели ты думаешь, что мы не сделаем этого? Просить меня отказаться от небольшого количества силы, к которой я еще не успела привыкнуть, - это даже не настоящая жертва, - резко сказала Сакура, обнажив зубы в улыбке, хотя внутри у нее все трепетало от паники, вызванной принятием такого решения без времени и исследований.

Это было похоже на тот первый день, когда она научилась ходить по воде, запустив себя в туманное небо без всякой уверенности в том, что приземлится удачно.

Сакура так остро ощущала свою жизнь в сравнении с почти верным поражением в этой битве,

если все пойдет не так, как надо, что ей казалось, что она умрет от адреналина, который бурлил в ней и пытался заставить дрожать ее пальцы.

Хамура торжественно кивнул ей и потянулся большим пальцем смахнуть кровь с ее подбородка, чтобы нарисовать в воздухе между ними иероглифы. Между ними возник резонанс, и в ее сознании появилась печать - но она не была похожа ни на одну из известных ей печатей. Тех, к которым она имела доступ, было немного, но они имели некоторые общие черты.

Изначально они были бумажными и чернильными, а жизнь и силу им придавали чакра и кровь.

Это было нечто большее.

Сакура присела, доставая из хранилища пустые свитки и заполняя их символами, которые в ее сознании вспыхивали белым светом, превращая их в реальность, и опустилась на одно колено над точкой их пересечения, чтобы совместить их с восемью направлениями.

Она широко раскинула руки с когтями, на белых чешуйках мерцали тени черного и красного огня. Земля под ее пальцами была мягкой и суглинистой, песчинки попадали под ногти, когда она закрыла ладонь, и веки ее почти сомкнулись, а взгляд обратился внутрь.

Земля терпит.

Раздался глубокий гул, который она ощутила на зубах, когда земля начала сдвигаться сначала в глубине, а затем, когда шпиль скал разорвали спокойную поверхность, это было нечто, что человек мог бы услышать своими ногами. Здесь не было гор, но она разорвала кости земли и подняла вокруг них восьмиконечный обод кальдеры.

Сакура не видела и не могла знать, что на каждой из этих вершин стоят камни, похожие в сумрачном свете на людей.

Металл можно переделать, не разрушая.

В конце каждого свитка земля рождала для нее мечи - тусклую, не закаленную руду, богатую потенциальной энергией. Они гудели и пели, резонируя друг с другом, пока целое не стало больше, чем сумма его частей.

Вода течет без остановки.

Ее массив поглотил близлежащую реку. Вода могла принести счастье и процветание; когда она текла плохо, то приносила болезни и гниение. Она была элементом очищения и перехода; она также была элементом инь, чтобы помочь компенсировать неуравновешенную конституцию ян Хагормы. То проносясь над землей, то скрываясь под ней, она изменяла энергетические

потоки духовного ландшафта.

Настроенная на мир так, как она была настроена в этот момент, с открытым третьим глазом, она могла чувствовать их так же ясно, как свои собственные каналы чакр.

Дерево начинается заново после смерти.

Там, где прошел огонь Аматерасу, начали прорасти семена, распускаться усики из защитных оболочек и зелень пробиваться на новых склонах гор, закрепляя землю, фильтруя воду.

У ветра нет ни начала, ни конца.

Ветер, подгоняемый жаром огня, завывал на новых вершинах. Из-за необычной географии были такие места, куда ветер врвался и не мог легко вырваться обратно. Это создавало падшее, нездоровое место, из которого души не могли легко выбраться, но создание такой неразборчивой ловушки намеренно создавало такую негативную карму, на преодоление которой уходили целые жизни.

Заманивать душу брата в ловушку Хамура не собирался.

Вместо этого дул постоянный сладкий и свежий ветер - место, где зло не могло укорениться, а души с дурными намерениями не могли задерживаться.

Огонь нельзя утолить.

Сакура встала с колен, скрипнув коленом, и тут же обмякла - все ее тело, словно шарф, взметнулось в небо. А затем она превратилась в боевой вымпел, развевающийся на ветру, - ее белая чешуя сверкала на ветру огромного огненного торнадо, устремляясь к клубящимся тучам. Молнии сверкали там, и она собирала их вокруг себя, словно плетя корону из цветов, чтобы носить ее в волосах. Жемчужина, которая в этом облике сияла вместо ее третьего глаза, отбрасывала свет, словно луна, и все огни Аматерасу следовали за ней, как плащ тени, когда она мчалась обратно к земле.

Хагоромо стоял на том месте, где она стояла на коленях, ничуть не пострадав от пребывания в темном мире, и поднял на нее руку.

Пустота вызвана.

Звук их столкновения был похож на волну цунами, разбивающуюся о скалы, и, подобно волне цунами, когда она встретилась с этой неподвижной силой, ее сознание сломалось.

Над ней склонился красивый мужчина, ее голова покоилась на его коленях. Она не помнила

его имени, но глаза были знакомыми. Сакура задалась вопросом, что он делает в... нет, это было открытое небо за его спиной. Что за охота - Обито и Хагаромо, а потом...

Глаза щипало, и она винила в этом солнце. "Я ведь не выиграла, правда?" - тихо спросила она.

Улыбка Хамуры была доброй. "Нет", - сказал он. "Но посмотри".

Она повернула голову и увидела, что он осторожно подергивает за листья маленького деревца, чтобы оно попало в поле ее зрения.

На его ветвях поник единственный розовый цветок.

"Возможно, вам не удалось убить его и отправить обратно в круговорот жизни и смерти, но вы запечатали большую часть его силы. Теперь миру духов и этому миру больше не угрожает непосредственная опасность войны. Покой Кагуя-сама может продолжаться без помех. У вас будет немного времени, чтобы расцвести, прежде чем вы снова встретитесь с ним - на этот раз он будет просто человеком, не более и не менее опасным, чем джинчурики, но и не монстром, недостижимым для вас". Он сделал паузу, как будто его внимание переключилось на что-то другое, но его глаза не покидали ее. "Твои спутники идут. У меня есть время попросить о последней услуге".

Его рука осторожно взяла ее запястье, скользнула вверх и сжала ладонь, а затем он наклонил голову и провел двумя первыми пальцами по тому месту, где в данный момент находилась манжи печати Неджи. Сакура задыхалась, когда очередное дзюцу вгрызалось в её мозг, и чакра уходила по изрезанным и болящим каналам. Руки мандзи согнулись и расцвели, превратившись в цветок, который влился в его кожу.

Она знала, что часть печати всё ещё оставалась, защищая его глаза от использования любым оппортунистом, знающим немного медицинского ниндзюцу, но она оборвала нити, связывающие его с главой клана Хьюга, и стёрла клеймо, отмечающее его принадлежность к ветви семьи.

Сакура моргнула, и в глаза ей бросилась не только внешность Неджи, а не Хамуры, но и он сам, смотрящий на нее со сложным выражением лица.

Она собрала достаточно сил, чтобы слабо улыбнуться ему, но тут же почувствовала, что в ушах у нее звенит, а конечности холодеют, и снова погрузилась в тишину.

Итачи устал и почти онемел, когда они наконец приблизились к стенам Конохагакуре. Сакура прижималась к его груди, все еще не приходя в сознание, но, по крайней мере, это был мирный сон. За время путешествия она дважды замирала, и один раз у нее остановилось сердце - ему

показалось, что его сердце почти остановилось вместе с ней, и воспоминания заставили его крепче прижать ее к себе, прежде чем он заставил себя расслабить пальцы, чтобы не оставить синяков.

Он все еще чувствовал себя очень беспокойно из-за... всего, начиная с Обито и заканчивая странной встречей, которую господин Хёга смог описать лишь частично. Он молча обдумывал все, что они узнали, не обращая внимания на очень сдержанных товарищей по команде - даже Наруто-сан вел себя тихо - и не мог понять, как это изменило его отношение к долгому несчастному отрезку жизни, начавшемуся с первых слухов о восстании в клане Учиха.

Итачи был настолько поглощен заботами о благополучии Сакуры, собственными душевными терзаниями и приближающейся перспективой снова пройти через ворота Конохагакуре в качестве шиноби Листа, что не заметил, как Сасукэ резко остановился.

"Сасукэ?" - спросил он.

Сасукэ уставился на ворота, его лицо сложилось в жесткие, непреклонные черты. "Это еще не конец".

Когда его глаза вспыхнули красным цветом Шарингана, все волоски на теле Итачи зашевелились в предчувствии. "Я не пройду через эти ворота, пока этот человек не будет мертв, а наша семья - в безопасности".

И, не обращая внимания на полушутливые протесты Итачи и Наруто-сана, Учиха Сасукэ призвал ястреба и вновь покинул Лист.